

Екатерина Кравцова

*Стань моей
тенью*

Екатерина Кравцова

Стань моей тенью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42648154

ISBN 9785449688798

Аннотация

Новое путешествие «попаданки» Анны Корсаковой в прошлое. Разгадка большой государственной тайны. И немного магии в придачу.

Содержание

1. Точка зрения	5
2. Вводя себя на роль героя	12
3. Время – платье	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Стань моей тенью

Екатерина Кравцова

© Екатерина Кравцова, 2019

ISBN 978-5-4496-8879-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мои ощущения свидетельствовали о том, что я все еще существую, но отнюдь не в качестве полноценной человеческой единицы. Скорее уж я был просто точкой на плоскости, точкой, через которую можно провести бесконечное количество прямых».

М. Фрай

1. Точка зрения

«Прошлое никогда не умирает. Оно даже никогда не проходит», – эту, безусловно, ценную мысль я услышала по радио. Среди двусмысленного трепа она выглядела совершенно инородно – я просто не могла не заметить ее. Бывает же так: вся жизнь умещается в одной коротенькой и вроде бы случайной фразе. Я чуть было не отправилась ее записать, так точно она прозвучала.

Я существовала в прошлом с большим удобством, нежели в настоящем, я хорошо изучила его привычки и маленькие странности, и вполне могла бы подрабатывать гидом по минувшему, если бы этот вид туризма приобрел размах.

Но покуда нас, путешественников, на свете немного. О, мы всегда вели странную, призрачную жизнь, быть может, ненормальную, но привлекательную для человеческой натуры. Интереснее, чем мы, живут только Наблюдатели – высшая каста нашей научной отрасли. Они, если можно так выразиться, святее папы римского, – органичнее для эпохи, в которой вынуждены жить, чем обитатели этой эпохи. И в то же время находятся как бы в стороне от нее. Их блестящие способности к анализу окружающего мира всегда приводили меня в восхищение. Как и умение (именно умение, сама я не способна к этому в принципе) ни во что никогда не вмешиваться.

Дискуссии о службе Наблюдателей были одним из моих любимейших развлечений. Спорить я не любила, но беседы с Наблюдателем вряд ли можно квалифицировать как споры. Скорее как неспешный обмен мнениями, имеющий целью не переубедить оппонента, а пополнить собственную копилку знаний по предложенному вопросу.

– Все зависит от точки зрения, Анна, – резюмировал свою речь Лешка Черевин, допивая далеко не первый бокал коньяка.

На это я рассмеялась.

– Ну, конечно, взирать из окна замка куда сподручнее, чем, к примеру, из лачуги бедняка.

Оппонент поморщился от моей недогадливости.

– Да я не об этом. Суть деятельности Наблюдателя состоит во взгляде со стороны. Трезво анализировать события, не принимая в них участия – вот что самое трудное.

Он говорил об этом не впервые, и я хорошо знала, насколько он прав. Будь на месте каждого из Наблюдателей толковый робот, обученный обобщать события и регулярно отправлять отчеты в наш Экспериментальный Институт – уж как бы складно шла их работа... Однако главная ценность Наблюдателей заключалась именно в том, что все они были людьми. Только человеческий взгляд на события ценился высоко, человеческий – и совершенно беспристрастный. Теряя равновесие, Наблюдатель терял себя.

Случалось, они воображали себя богами. И тогда руши-

ли те маленькие мирки, что их окружали, рушили – и исчезали вместе с ними. Бывало, они становились слишком людьми, теряя беспристрастность, и пытаюсь прижиться там, где должны были только анализировать. И растворялись в дебрях прошлого, превратившись в простых обывателей. Как бы ни стремились они к этой перемене, я не поручилась бы ни за одного из них в том, что они обретали счастье. Покой и волю, может быть, но не больше.

– И что, ты никогда не вмешиваешься? Ни во что и никогда? – вопросец был из разряда запрещенных.

На самом деле я прекрасно знала, что однажды – из-за меня – Лешка рухнул с высот профессионализма прямиком на жесткую почву сложной исторической ситуации. И, надо сказать, вышел из нее с честью, сумев помочь мне, насколько это было вообще возможно.

Сейчас же я всего только провоцировала его на развитие любимой темы.

– Я вмешиваюсь, – терпеливо разъяснил он мне, – Но лишь в то, во что можно вмешаться... Или в то, во что не вмешаться нельзя. Во всех остальных случаях чем мы незаметнее, тем лучше для всех.

– Завидую, – я на самом деле часто ему завидовала, – Вот мне никогда не удавалось стать незаметной.

– Тебе и не положено. Да и не вышло бы: как можно не замечать такое очарование!

За галантной отговоркой крылась суровая правда. Когда

я, покоренная романтикой службы Наблюдателей, попросилась на новую должность, шеф долго смеялся.

– Если ты прикинешься глухонемой, укоротишь свой рост сантиметров на двадцать, и поменяешь цвет волос, тогда, пожалуй... Да, еще придется сделать пластическую операцию. у тебя слишком заметное лицо.

Обижалась я тогда недолго – моя собственная профессия тоже была совсем неплоха.

Но одна мысль прочно засела в голове: нужно учиться быть неприметной, учиться делать свое дело, не привлекая к себе лишнего внимания. Увы, в этой области мне было весьма и весьма далеко до совершенства.

– Ну, а если бы ты не стал Наблюдателем, кем бы мог сделаться? Какое занятие кажется тебе самым интересным? – странное дело, мы давно знали друг друга, но никогда не говорили о том, кем могли бы стать.

Словно заранее были обречены на тот род занятий, какой в результате избрали.

Лешка немного подумал, и улыбнулся мечтательно.

– Знаешь, наверно, литератором. На мой вкус нет ничего более соблазнительного, чем ловить мысли, что носятся в воздухе, и наряжать их в одежды слова. Пышные или простые, роскошные или бедные – как получится. Представь, ты придаешь очертания тому, что каждый знал почти с рождения, но никогда не мог сформулировать! «Властитель дум» – так, кажется, это называлось раньше. Самая

изысканная форма власти... И самая беспредельная.

Я задумчиво покивала, размышляя о том, насколько вообще разнообразна власть. Взаимосвязь господина и слуги, народа и вождя намного сложнее и крепче, чем можно представить. Хоть раз в жизни каждому приходится служить и властвовать, иногда даже одновременно. И не та власть, что навязана извне, а та, что принята изнутри, есть самое непреложное, самое безраздельное господство над нами.

– Уж ты, наверно, насочинял бы историй! – я улыбнулась, отгоняя задумчивость.

– Да, не упустил бы случая. Могу даже и приврать, все равно никто не поверит ни единому слову, так какая читателю разница, где правда, а где художественный вымысел? – в тон мне весело откликнулся Наблюдатель.

Для человека, незнакомого с практическими занятиями по мировой истории, и сотой доли наших приключений хватило бы в качестве сюжета фантастического романа. Именно фантастического, потому что, при ближайшем рассмотрении, многие общеизвестные факты из прошлого выглядели совершенно по-новому. По этой простой причине теоретики исторической науки вечно взирали на нашу контору свысока, как на сборище безответственных авантюристов. И если пользовались нашими услугами, всегда потом отчего-то забывали упомянуть об этом в отчетах. Может быть, с их точки зрения, мы и впрямь выглядели противоестественным явлением, искажающим стройный мир логических научных по-

строений.

Но как бы там ни было, все оставались при своем, как и в большинстве случаев в этом подлунном мире... Все, но только не я.

Я, наверно, была самой непрофессиональной из «практиков», хотя шеф всегда утверждал обратное. Ни одного раза, ни единого самого эпизодического путешествия у меня не обходилось без чрезвычайных ситуаций. Тихо сделать свое дело и удалиться обратно в благополучное будущее – было для меня недоступной роскошью. Я вечно ввязывалась в самые авантюрные проекты, обрастала в процессе командировок людьми и обстоятельствами, и в финале выдиралась из всего этого с потерями разной степени тяжести. Мне вообще долгое время казалось, что я одна такая, и все остальные, кроме меня, делают свое дело гораздо быстрее и лучше. Встречая людей своего типа, я всякий раз искренне удивлялась, хотя здравый смысл, не переставая, нашептывал мне, что мой способ выполнения возложенных на меня задач не самый провальный.

В конце концов, я примирилась с собственным нестандартным профессиональным подходом, относя постоянный моральный ущерб на счет издержек производства. Так или иначе, но я понемногу училась воспринимать философски те казусы, что подсовывала мне судьба.

Я училась, и каждый раз сама себя клятвенно заверяла, что уж в следующий раз не попадусь на крючок чувств – сво-

их и чужих. Но благие намерения, как и следовало ожидать, снова и снова выстилали дорогу в мой личный маленький ад.

2. Вводя себя на роль героя

Высоко в небе кружились вороны. В свинцовом небе их черные крылья выглядели особенно зловеще, и словно предвещали беду. Но ей были безразличны все дурные приметы, потому что она ехала домой.

Ариана Локвуд мало что помнила из своей прошлой жизни – милосердная память сохранила только хорошее, укрыв все беды за плотным пологом забвения. Белокурая малышка, собирающая ягоды на пригорке... танцующая под любящим взглядом матери... уезжающая куда-то тайно, под покровом темноты во спасение своей жизни под охраной старого слуги... Все эти воспоминания принадлежали ее прошлому, и в то же время были ей чужими. Во всяком случае, в худощавой девушке с тонким шрамом на щеке, крепко держащей поводья собственной жизни, давно должно было умереть это безмятежное дитя. Суровые годы – суровые сердца, так, кажется, пелось в старинной балладе? Иногда она проклинала необходимость быть такой, какова была, и все же... ни за что не смогла бы сделаться другой.

Чертова дюжина лет миновала с тех пор, как совершилось главное зло в ее жизни, а она до сей поры не знала, кто совершил его. Неведомый злодей, лишивший жизни ее родителей и старшего брата, спокойно ходил по этой земле, воевал, бражничал, любил женщин и радовался жизни. Иногда

она старалась представить себе его ненавистное лицо, и черты его даже виделись ей, тускло, как через пыльное стекло. Мечта о мести давно стала одним целым с ее существом, хранилась, как самое дорогое, в дальнем уголке сознания, с тем, чтобы напомнить о себе в подходящий момент.

Она могла бы думать примерно так, и готовилась бы примерно к такой жизни, но...

Придется начать сначала. На самом деле все было намного проще, а может быть, наоборот, куда сложнее. Ариана Локвуд умерла в изгнании, семи лет от роду, и не успела превратиться в девушку, описанную мною в начале. Именно по этой весомой причине Марго смогла занять ее место. Так что это она была той юной дамой, именно она крепко держала поводья своей жизни... и надежно прятала внутри себя одной ей ведомые надежды.

Ее путешествие было тайным: она долго добиралась на родину из Наваррского королевства, и сопровождали ее лишь самые верные люди. Среди них была и никому не знакомая чужестранка, говорившая по-английски со странным, вовсе не наваррским, акцентом. На роль чужестранки приняли меня, хотя и с изрядным скрипом.

Меня вообще не собирались посылать в новую командировку. Раннее Средневековье считалось опасным, и рисковать шеф не хотел. Он так и не захотел, но просто вынужден был смириться.

– Я долгое время нигде не была, и мне абсолютно все рав-

но, чем закончится мое путешествие, – в моем голосе не было ничего, кроме усталости.

В голосе шефа, напротив, звенел металл благородного негодования.

– Твоему сыну всего только год, – напомнил он строго.

– Моему... простою – вдвое больше, и все это время... – объяснять, в общем, ничего не требовалось.

Шеф всегда прекрасно понимал меня.

– Ты играешь в опасные игры с прошлым, Анна, – предостережение последовало вовремя, но оно уже ничего не значило для меня.

На свете, вообще, не осталось почти ничего, имеющего для меня значение. Исключение составлял белокурый мальчик с прозрачными голубыми глазенками, пухлый согласно возрасту и суровый не по годам... От него-то я и старалась убежать. Уж слишком он напоминал своего отца, оставленного мною в одной из прошлых эпох. Я так хотела освободиться от этих воспоминаний, а заодно и от себя самой, что была согласна изображать кого угодно и отправляться хоть на край света или времени – куда и кем пошлют.

Я тряхнула головой, избавляясь от непрошеной печали, и пристально взглянула шефу в глаза. Его маленький секрет кроме меня никому не был известен: шеф категорически не любил взглядов в упор. Всегда пасовал перед теми, кто смотрел ему прямо в глаза, и просил о чем бы то ни было. Хотя, если бы эта его особенность была озвучена, он ярост-

но возражал бы против нее и обвинял всех вокруг в предвзятости и чрезмерной прямооте характера. Конечно, его-то трепетная натура всегда была вне конкуренции.

– Нечего паяться, – устало заявил он, – Сама знаешь, терпеть этого не могу, и всегда пользуешься.

– Не всегда, – я пошла на попятный, и отвела взгляд, – Только если все прочие аргументы исчерпаны. На этот последний вам, обычно, бывает нечего возразить. Ведь нечего?

– Нечего, нечего... Ладно, готовься, но имей в виду, что на сей раз это очень опасное путешествие. Действительно опасное, понятно?

– А до сих пор я совершала исключительно безмятежные выезды, и ни разу не видела опасности даже на горизонте.

Это ехидство имело под собой веские основания. Все мои путешествия начинались довольно безоблачно, и не было ни одного, которое не завершилось бы какой-нибудь феерической заварушкой.

Шеф поднял руки в знак капитуляции. Я осмотрела его с нежностью: он был одним из немногих моих коллег, четко представлявших себе, что именно мне больше всего нужно в конкретный момент времени.

– И что там за история? – трезвый насмешливый взгляд шефа на мотивы грядущей командировки не раз выручал меня, так что пренебрегать им не стоило.

– Как всегда – странная, – шеф устроился в кресле удобнее, словно собирался рассказать мне сказку, – У них

там будто бы приключилось крупнейшее государственное образование. Часть Скандинавского полуострова, теперешняя Англия, острова... Лично я считаю, что такого просто не могло быть.

Карл Великий и король Артур отдыхают – Властитель (так они называли его, подумать только, ни имени, ни прозвища, одна должность, и все!) их с запасом переплюнул. Вообще, если верить легендам, изобилие его деяний просто не поддается учету... и здравому смыслу. Сама посуди, у него, бедолаги, было более двух десятков жен, под свою руку он заграбастал огромные территории, знал, будто бы, все на тот момент действующие языки, свободно общался с духами предков, читал мысли...

Можно сказать, не ел, не пил, не спал, а только завоевывал, укреплял, упрочивал и удерживал. Дипломатические таланты при такой жизни нужны недюжинные... как и еще множество самых разных качеств. Есть два «но». Наследник у него, почему-то, был всего один – и это при тогдашней женской плодовитости! И еще: с определенного периода его держава начала как-то сама собою распадаться, разваливаться и расклеиваться. Безо всякой – заметь! – посторонней помощи. В одной летописи глухо поминается какое-то чудо с участием Королевского камня, но это все, что есть недосказанного. В остальном Властитель безупречен от и до – не подкапешься.

– А что говорит Наблюдатель?

– А Наблюдатель вообще не хочет больше выполнять свои профессиональные обязанности, – шеф досадливо поморщился, – Это к нашему с тобой давнему разговору о том, что каждому – свое. Отправили мы туда девицу, вроде тебя, смышленную и симпатичную... и уже через пару месяцев она прислала сообщение, что, видите ли, не желает больше трудиться на ниве исторических исследований, а желает отдаться в жены какому-никакому лорду, и с ним прожить в любви и согласии, что ей отмерено. С меня наверху едва шкуру не сняли, сама понимаешь. При этом неясно, с чего ее так переклинило: когда отправляли, все тесты она прошла совершенно благополучно. А вот поди ж ты... психология.

– Насчет меня можете не волноваться, – не сдержалась я, – Понимаю, в чей огород все ваши камни. Но мне и даром не нужен еще один межвременной роман – хватит с меня, честно скажу.

Шеф моментально сменил досаду на широкую улыбку:

– Не зарекайся, дорогая. Ты, помнится, сама говорила, что прошлое так и норовит подсунуть тебе что-нибудь необычное.

– Так то необычное. А что может быть обыкновеннее романа, пусть и между обитателями двух различных эпох?

Шеф заулыбался еще шире, и как никогда походил на чеширского кота.

– Никогда не говори «никогда», дорогая. Даже если это слово кажется тебе единственно верным. Все меняется.

– Не все, – упрямылась я, – Есть вещи, ситуации и категории сознания, которые...

– Считают неизменными, – с понимающей улыбкой закончил шеф, – Они тоже меняются. Просто «неизменное» меняется медленно, почти незаметно. Но тоже меняется, поверь на слово своему старому и мудрому начальнику.

– Ну ладно, убедили, – у меня оставался только один шанс с честью выйти из ситуации, – Могу я взглянуть на безответственную персону Наблюдательницы?

– Вот, пожалуйста, – шеф достал из папки фотографию, – Как тебе это легкомысленное существо?

Я с интересом осмотрела девицу, в которой профессиональный долг пасовал перед невнятной скороговоркой покуда неведомых мне бытовых причин. Наверняка неуважительных причин, как я считала.

Надо отдать должное, она была хороша. Пепельные локоны, голубые глаза, и тонкий шрам на правой скуле, чуть заметный, только добавляющий ей шарма. Должно быть, подумала я, от поклонников нет отбоя, вот ей и показалось, что именно там, в глубине веков, все они испытывают настоящие чувства, а не жалкую смесь из похоти и боязни одиночества. Она, видно, так прижилась на плодородной романтической почве, что сама не заметила, как перестала считать домом наши странные и противоречивые времена.

– Какой типаж подходящий, – не удержалась я от комментария, – Настоящая саксонка, мечта проклятых норманн-

ских оккупантов.

Шеф только уныло кивнул. Девушка оказалась даже слишком подходящей для той действительности, в которую попала. И легко разрушила вполне рабочий план, где ей назначалась главная роль.

– Ну ладно, – перешла я к делу, – А от меня что требуется?

Шеф поскреб подбородок.

– Изучить, – наконец выдал он, – Изучить и выяснить обстоятельства столь насыщенной биографии.

– У всех у нас насыщенные биографии, – откликнулась я, – Может, потомкам тоже покажется, что мы не могли всего этого успеть...

* * *

Отпущенные на подготовку дни миновали с третьей космической скоростью, и я оказалась на бескрайних просторах Средневековой Европы. Там мог бы разместиться целый легион подобных гостей – так много в ней оставалось еще свободного места.

Долгие дни, пока мы ехали на северо-запад, я посвятила размышлениям о пространстве в человеческой жизни. Мои современники – хотели того или нет, – были пожизненно заперты на полуживой планете в тесной толпе себе подобных. Скрашивала их существование разве лишь иллюзия скорости передвижения, иллюзия, которая, в сущности, мало что

меняла.

Наш обширный караван двигался так неспешно и величественно, будто мы вообще не собирались никуда попасть. В прежние времена я бы уже сто раз вышла из себя от такого медленного развития событий. Однако теперь даже получала удовольствие от черепаших темпов передвижения. К тому же, плотность народонаселения вокруг нас неуклонно стремилась к нулю. Изредка встречаемые поселения по величине можно было примерно разделить на три категории: претендующие на роль городов, похожие на деревни и просто малые скопления человеческих жилищ.

Раздвоение личности, посещавшее меня и раньше, снова поселилось в голове. Я проживала первые дни в новой эпохе, и в то же время как будто наблюдала за собой со стороны. Благородная дама в тяжелом плаще существовала вполне самостоятельно. Она, а не я, терпеливо сносила неудобства походных ночлегов, ела полусырое мясо и черствый хлеб, запивая их разбавленным вином, легко вскакивала на лошадь (мужское седло оказалось гораздо удобнее дамского), и ехала туда, куда ей указывали путь.

Экс-Наблюдательница мне обрадовалась.

– Слава богу, догадались прислать женщину, – констатировала она, встретив меня в условном месте, – Я-то думала, прибудет какой-нибудь авторитетный пень, и примется пилить меня денно и ночью на предмет профессионального долга.

Я моментально развеселилась:

– А если я начну тебя пилить? Думаешь, не умею?

– Не умеешь, – быстро ответила она, смеривая меня внимательным взглядом, – Такие как ты никогда и никого не пилят. Если что, они просто сразу убивают.

На эту лестную оценку возразить было совершенно нечего. Имидж кровожадной особы мог пригодиться в будущем, и я на всякий случай с усмешкой кивнула.

Между прочим, моя гипотетическая свирепость ничуть не отпугнула Марго – так ее на самом деле звали. Она была великой мастерицей задавать «детские вопросы», на которые, в зависимости от крепости нервной системы, следовало оскорбиться, или отвечать с той же прямоотой, с какой они задавались.

– Скажи честно, – любопытствовала она, к примеру, – что ты чувствуешь, каждый раз возвращаясь назад?

Я только печально улыбалась. Вряд ли я смогла бы доходчиво объяснить хоть половину своих ощущений. Но, может, полезно было произнести их вслух:

– Не знаю. Иногда мне кажется, что в прошлом осталась часть меня, жизненно важная часть. И обойтись без нее – все равно, что научиться жить без руки или ноги. А иногда я думаю, что каждый раз вместо меня домой возвращается кто-то другой, на вид в точности, как я, но абсолютно другой изнутри. И это тоже, наверно, правда.

– И что... ты всякий раз находишь в прошлом то, что ожи-

даешь найти? Никаких сюрпризов, ничего... такого?

– Наоборот. Я всякий раз нахожу в прошлом нечто, чего вовсе не ожидала встретить. Что-нибудь, вдребезги разбивающее ожидания от мира, в который попадаю. Следует твердо помнить, что на самом деле все не таково, каким кажется из нашей реальности, дорогая. Все вообще не таково, каким кажется сначала.

– И как же ты... находишь свой путь?

– Путь? Я бы сказала – узкие тропинки. И у каждого они – свои.

– Как ты считаешь, я поступаю правильно? – осведомлялась она на привале, перед тем, как заснуть.

– Нечего лезть на рожон. Тогда ты имеешь отличные шансы прожить в этой эпохе длинную содержательную жизнь, и мирно почить на руках у десятка внуков...

– Все дело в том, что я, – Марго ткнула себя в грудь, – не хочу умирать от старости. Я хочу умереть от любви. Или от ненависти... все равно.

Мне нечего было ответить ей. Встав однажды перед подобным выбором, я выбрала просто жизнь, о чем впоследствии не раз горько пожалела.

Глядя на почти идеальную адаптацию несостоявшейся Наблюдательницы в Средних веках, не верилось, что ею двигало одно желание переменить обстановку. На мой взгляд, была еще какая-то причина. Чуть позже оказалось, интуиция меня не подвела.

– Между прочим, – заговорщически улыбаясь, добавила Марго, – у меня есть тут одно дело... Ну, может, не лично мое, но оно меня касается.

Боже мой, опять загадки! Я бы полжизни отдала за то, чтобы никогда больше не разгадывать ничьих тайн. Но тайны были другого мнения: они преследовали меня с тупой настойчивостью, и слишком часто достигали своего.

– Что за дело? – спросила я, примиряясь с действительностью.

Марго приняла вовсе таинственный вид и шепотом объявила:

– Здесь произошло убийство.

– Эка невидаль! – я пожала плечами, – Да здесь их произошло тысячи – ты-то, как специалист, должна знать.

– Но именно это осталось нераскрытым.

– И кого убили? – я вела диалог совершенно автоматически, почти не задумываясь о том, что говорю.

Мне было неинтересно, что за кровавые трагедии тайло Средневековье: я и без того повидала их предостаточно. У Марго, как видно, детективные хитросплетения еще вызвали живое любопытство. На минуту мне показалось, что она произнесет «элементарно, Ватсон!», но она выдала другое:

– Моих родителей.

– Что ты сказала? – заинтересовалась я.

Может, эта девица просто сумасшедшая, раз ей показа-

лось, что посреди Средневековой Англии прикончили ее папашу и мамашу? Тогда – чего проще! – я сдам ее с рук на руки специалистам, а сама примусь за дела, которые, судя по всему, ее вовсе не занимают.

– Родителей, – убежденно продолжала Марго, – И убийцу не нашли. Странная история... Я говорила с одним монахом, так он рассказал мне, что не осталось никаких следов. Вообще ничего, представляешь?

– Нет, – я и в самом деле не могла представить, чтобы от чего-то не осталось никаких следов. Разве что следов не отыскивали, но это, как говорится, уже совсем другая история.

Марго между тем так разошлась, что схватила меня за рукав и подергала, стремясь удержать мое внимание.

– Ты должна мне помочь, – объявила она, – Мне нужен чей-нибудь свежий взгляд. Мы направляемся в Скай-Холл, как раз там все и произошло. Когда доберемся туда, нужно держать ушки на макушке. Глядишь, и заметим что-нибудь необычное.

Мне страшно захотелось охладить ее пыл.

– Сколько лет прошло? – вопрос прозвучал так равнодушно, что я сама забеспокоилась, не обидела ли новую подругу.

Беспокойство оказалось напрасным: она не слышала ничего, кроме собственных слов.

– Много, – отмахнулась она, – тринадцать. Неплохое число, чтобы преступник получил по заслугам, как ты думаешь?

Оставался последний способ отвлечь ее от задуманного предприятия.

– Ты совершенно уверена, что твои... родственники – невинные жертвы? Здесь так развита самооборона, что упреждающие удары считаются в порядке вещей. Может, кто-то просто нанес удар первым?

Спорила я с ней больше по привычке. По-своему она была права в стремлении довести до конца то, что не могла закончить малышка Ариана по причине ранней гибели.

Хотела она того или нет, но эпоха накладывала на нас свой отпечаток, метила невидимым клеймом. И мы заранее готовы были пустить корни, обрасти бытовыми подробностями, привязанностями, долгами и должниками, и с большим трудом разорвать все эти связи, когда придет срок. Тут на первый план выходило умение не позабыть, кто ты на самом деле. И экс-Наблюдательнице еще только предстояло его обрести.

– Может быть, – упрямо заявила Марго, – Может быть, и виновные. Но все равно жертвы. Я должна сделать, что смогу. А ты должна мне помочь.

– Не будем спорить, – примирительно предложила я, сохладив с желанием просто послать ее подальше вместе со всеми секретами, – Вернемся к разговору, когда доберемся до места.

Как-то на рассвете я проснулась от неясного шума. Наша охрана бесшумно перемещалась вокруг лагеря, по совер-

шенно неясным причинам.

– Чего они засуетились? – спросила я у Марго, сонно поднимающейся на постели рядом.

– На нас напали, – равнодушно ответила она, выпятив нижнюю губу, – В этих местах завелась какая-то шайка бандитов, сейчас их убьют, и мы сможем ехать дальше.

Через четверть часа я поняла, что ее слова буквально отражали реальность. Наша охрана поучаствовала не в стычке с равным противником, а именно в убийстве. Грязные мужички в немислимых серо-бурых отрепьях погибли так быстро и глупо, что, пожалуй, и сами не успели этого понять. Воины скрутили их во мгновение ока, а скрутив, перерезали глотки, будто баранам. Никогда до сей поры я не видела такого фонтана крови, от него земля вокруг стала бурой, и в траве затерялись зловещие темные ручейки.

– Почему у тебя такое лицо? – скептически протянула Марго, – Ты разве впервые видишь смерть?

– Такую – впервые, – ответила я, с трудом отводя глаза от мрачного зрелища.

Полное презрение к смерти с обеих сторон так меня заинтриговало, что остаток дня я готовилась умереть – столь же просто и естественно, как это проделали «работники ножа и топора». Всякое могло случиться в такие жестокие времена.

– Здесь смерть – разрешение любой проблемы, а не окончание жизни. Не трагическое, а закономерное событие, – на-

зидательно заметила Марго ближе к вечеру, в ответ на мои молчаливые терзания.

– И ты собираешься так же разрешить проблему, что досталась тебе по наследству?

Она решительно сдвинула аккуратные бровки.

– Я даже готова заплатить жизнью за восстановление справедливости. Есть такая старинная поговорка: «Если собрался мстить, вырой сразу две могилы». Конечно, лучше бы мне уцелеть, но... Это уж как повезет.

На ее странные речи я могла только задумчиво кивнуть, очень надеясь, что сумею избежать проблем, требующих столь кардинальных решений.

3. Время – платье

Когда в поле моего зрения возник Скай-Холл, я вспомнила семинары по истории России. Наилучшие стратегические условия для строительства крепостей роднили эту могучую твердыню и творения моих собственных далеких предков. На вершине довольно высокого холма крепко стоял настоящий романский замок, так похожий на широкогрудого конягу-тяжеловоза. Он и вправду подпирал небо каменными плечами. Замки более поздних времен, изящные, словно белые единороги, и такие же беззащитные, в подметки ему не годились. Они уже не застали кровавых жестоких битв раннего средневековья, и презрения к смерти, владевшего умами на стыке двух первых тысячелетий нашей эры, и не обладали той мощью, что наполняла до краев надежную кладку его стен.

Вдоволь налюбовавшись величием представшего передо мной зрелища, я предалась печали по поводу неизбежных трудностей подъема. Высоты я не боялась, но терпеть не могла бороться с лошадьми, как правило, смертельно пугающимися крутых тропок.

Однако лошади почему-то не торопились пугаться, преодолевали подъем с похвальной скоростью, и не доставляли наездникам никаких хлопот. Как-то не пришлось мне сполна насладиться красотами английских пейзажей: я и оглянуть-

ся не успела, как мы уже подъезжали к воротам замка. Тяжеленные створки ворот натужно приоткрылись, и мы смогли проехать внутрь.

Я озиралась с любопытством, ожидая увидеть один из множества замковых дворов, так подробно описанных в рыцарских романах. Мне-то представлялась довольно грязная и запущенная территория, до отказа набитая толпой тощих и печальных рабов... Почти что так оно и было. Территория выглядела слегка закопченной, но отменно вылизанной. Тощие рабы деловито передвигались по двору, явно занимаясь каждый своим делом. Печали на их лицах я не обнаружила, во всяком случае, на первый взгляд.

Кроме них во дворе присутствовала еще одна категория населения: воины. Они выглядели даже чересчур мужественными, при этом антураж при них тоже был самый что ни на есть мужской. Кони, каждый из которых выглядел способным в одиночку сдвинуть средних размеров утес. Тяжелая упряжь, тяжелая даже на взгляд: я была почти уверена, что не управилась бы и с самым тонким ремешком. И оружие, чертова пропасть оружия, начищенного до умопомрачительного блеска. Среди всего этого и какой-нибудь женоподобный дохляк смотрелся бы настоящим мачо, а уж суровые персонажи, которых увидела я...

М-да, здесь было не мирное поселение, а нечто совсем другое. Может быть, здесь и хотели мира, но в то же время не переставали готовиться к войне.

Марго, надобно сказать, чувствовала себя, словно рыба в воде. Она принимала приветствия с любезным и сосредоточенным видом, не выходя из образа ответственной за свои действия хозяйки крупного по здешним меркам поместья. Если бы я не знала заранее, кто она, ни на секунду не усомнилась бы в ее благородном и абсолютно средневековом происхождении.

– Эй, – подергала я ее за рукав, улучив минуту, – А почему они не удивляются твоему появлению?

– Письма, – отмахнулась она, – Им написали о нашем приезде. Они и принимают нас как должно. Не говори ерунды, Анна, чего им удивляться?

Я никак не могла успокоиться.

– Значит вместо нас, по идее, сюда могли заявиться любые две девицы, и занять наше место?..

– В принципе, да, – она засмеялась, – Но мы успели первыми, стало быть, мы и займем собственное место. Совершенно самостоятельно.

Я же боялась, едва ли не впервые в жизни, что именно в этой эпохе своего места найти не смогу. Хоть мне и обещали теплую встречу, а мои личные комплексы давно уже испарились под натиском тяжелой действительности... Все же я немного опасалась, что средневековье примет меня не слишком ласково. Уж такое неласковое это было время.

– Вот и наши красавицы! Мы уж начали волноваться, что вы повстречались с Проклятым Дэнни раньше, чем с на-

шим отрядом, – раздавшийся где-то сбоку от меня голос был настолько переполнен жизненной силой, что ее хватило бы и на двух мужчин.

Я повернула голову (так осторожно, словно она была стеклянной), и встретилась взглядами с шикарным представителем мужского рода. Его не портила даже идиотская прическа «под горшок» – венец творения здешних парикмахеров.

Мужественность этого господина буквально слепила глаза, как яркое полуденное солнце. При этом он едва возвышался головой над моим плечом. Зато так твердо упирался короткими ногами в землю, что, кажется, мог бы сдвинуть ее безо всякой точки опоры. И в нем не было ни грамма аристократизма. Скорее некий налет плебейства, обманчивой простоты, лишь подчеркивающей его энергию. Я бы побилась об заклад на что угодно: этот коротышка пользовался исключительным успехом у дам.

– Кто это – Проклятый Дэнни? – спросила я, чтобы выиграть время.

Коротышка воинственно нахмурился, приподнялся на каблуках и даже, как будто, стал повыше ростом.

– Человек, который недостоин ступить по земле. Человек, забывший свой долг. Наконец, человек, рядом с которым и родной брат не мог бы чувствовать себя в безопасности, – напыщенно объявил мой собеседник.

– Неужели, – я не могла сдержать улыбки, – он так ужасен? Впрочем, довольно об отсутствующих. А вы-то, милорд, вы

сами...

Все время нашего разговора я не переставала разглядывать его – с откровенным удовольствием.

– Мы незнакомы, – уточнил он, польщенно сощурившись на мой осмотр, – Я Джон Мэнли, брат вашего жениха, госпожа.

От удивления мои брови непроизвольно поползли вверх. Какого еще жениха, пропади оно все пропадом?! Только жениха-то мне и недоставало...

Пережив пару секунд ступора, я вспомнила, как веселилась Марго, сообщая мне о том, что для меня уже есть готовый кандидат в мужа. Какой-то сэр Роберт срочно нуждался в супруге, и по субъективным причинам я подошла на эту сомнительную роль.

– Младший брат? – я вложила в улыбку все очарование, на которое была способна.

Мне почему-то представилось, что этот импровизированный жених – персона лет весьма преклонных, или в лучшем случае очень средних. Перед мысленным взором промелькнула картина «Неравный брак», актуальная по теме, но не очень соответствующая по времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.